

К СТОЛЕТИЮ ВЫХОДА МОНОГРАФИИ
С.Н. БУЛГАКОВА «ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА»

**«ФИЛОСОФИЗМ» ПРОТИВ «ЭКОНОМИЗМА»,
ИЛИ КАК «ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА» УЖЕ БОЛЕЕ СТА ЛЕТ
ПЫТАЕТСЯ ТЯГАТЬСЯ С «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЕЙ»,
СОБЛАЗНЯЯ МАЛЫХ МИРА СЕГО**

О.Ю. МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Южный федеральный университет,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

*Девять лет дон Педро Гомец,
По прозванию «Лев Кастильи»,
Осаждает замок Памбу,
Молоком одним питаюсь...*
К. Прутков

Сто лет назад русский социолог С.Н. Булгаков предпринял попытку противопоставить «политической экономии» новую социальную науку — «философию хозяйства». Автор рассмотрел столетний итог названного противостояния.

Ключевые слова: политическая экономия; философия хозяйства; русская экономическая мысль.

One hundred years ago the Russian sociologist S.N. Bulgakov attempted to oppose the «political economy» new social science — the «philosophy of the economy.» Author considered the result of a century called opposition.

Keywords: political economy; philosophy of management; Russian economic thought.

Коды классификатора JEL: Z13.

То, что уже полтора столетия происходит в экономической науке, можно уподобить полету русской тройки, в которой бессменным могучим коренником стремится свой бег «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ», тогда как пристяжные по бокам постоянно меняются.

«ПРИСТЯЖНЫЕ» МЕЧТАЮТ СТАТЬ «КОРЕННИКОМ»

Сегодня «пристяжные хомуты» чаще всего примеряют две претендующие на статус коренной тягловой силы общественности (т. е. главной социально-экономической науки) дисциплины — «институциональная теория» и «философия хозяйства».

Институционализм, чей эвристический потенциал столь же аморфен, сколь аморфны его предмет и метод, у всех на слуху и на виду. И это лучше всего обнаруживает теоретическую беспомощность институционализма — при заманчивой методологической заявке с его стороны. И хотя категория «институт» — мощная интеллектуальная абстракция, ее возможности не беспредельны, так что «панинституционализм» социологии мерещится только неопитам этой молодой отрасли социального знания со все еще неясной перспективой.

Иное дело — философия хозяйства. Модная среди группы «высокоученых» экономистов, она уже более ста лет пытается вырваться из занимаемого ею периферийного (а сказать по правде, — маргинального) положения в системе социально-экономического знания, что не мешает ей позиционировать себя как основного конкурента политической экономии.

Впрочем, одна заслуга у «философии хозяйства», несомненно, имеется, — благодаря ей возникает возможность канализации неумемной прыти тех, чье рвение могло бы сильно навредить политической экономии. И «философии хозяйства» за эту канализацию — особое спасибо.

«ПОЛИТЭКОНОМИЯ» ПРЕВРАЩАЕТСЯ В «ЭКОНОМИЗМ»?

К началу XX в. политическая экономия оказалась единственной подлинно научной отраслью социального знания, знаменующей выдающийся прорыв в познании закономерностей развития общества. Произошло это только потому, что в сфере экономического познания был полностью реализован метод исторического материализма. Но, как на грех, именно этот метод и стал объектом претенциозной критики со стороны родоначальника «философии хозяйства», С.Н. Булгакова, упорно характеризовавшим его как «экономизм». Такая терминология должна была, видимо, намекнуть на некую односторонность, бездуховность и вульгарность политико-экономической науки.

О ПЕРИОДИЧЕСКИХ ПРИПАДКАХ В СОЦИАЛЬНОЙ НАУКЕ

Поскольку «философия хозяйства» претендовала (правда, неизвестно на каком основании) на нечто более объемное и высокое, чем «политическая экономия», то ее появление можно характеризовать как очередной «припадок», время от времени случающийся только в социальной науке. Главным признаком такого припадка является претензия каждой, периодически появляющейся, новой «экономической» науки на всеобъемлющее и завершенное знание. Собственно, в претензии подобного рода состоит «новизна» и «философии хозяйства», поскольку она уже столетие специализируется не на доказательном открытии новых экономических процессов, форм или тенденций, а на бездоказательной критике политико-экономической системы знания, и неаргументированном развенчании ее методологии и теории. Здесь «бездоказательное» и «неаргументированное» — вовсе не полемический прием, а простая констатация факта основания философии хозяйства на неких интеллигентных (умствовательных), существующих за пределами «научного опыта» посылах, принимаемых на веру.

Да никто не против нового видения устройства социального мира, но, черт побери, — **покажите и докажите нам, что вы нового вносите в понимание экономической жизни общества!** А вот с этим у каждой претенциозной науки как раз и плохо. Именно такую немощь и демонстрирует «философия хозяйства» — вся ее позитивность с самого начала сводилась к уводу читателя в сферу неких трансцендентных откровений, где до «философо-хозяйственников» уже обосновался «повар Юрайда»¹.

ПРИМЕР МЕЛОЧНОГО НАСКОКА

Особенно неприятное впечатление производят мелочные наскаки на марксистскую политическую экономию (с одновременным уверением в совершеннейшем пиетете к этой науке).

¹ «Повар Юрайда» принялся философствовать, что отвечало его бывшей профессии. Перед войной он издавал оккультный журнал и серию книг под названием «Загадки жизни и смерти». На военной службе он примазался к полковой офицерской кухне, и, когда, бывало, увлечется чтением древнеиндийских сутр Праджня Парамиты («Откровения мудрости»), у него частенько подгорало жаркое.

Полковник Шрёдер ценил его как полковую достопримечательность. Действительно, какая офицерская кухня могла бы похвалиться поваром-окультистом, который, заглядывая в тайны жизни и смерти, удивлял всех таким филе в сметане или рагу, что смертельно раненный под Комаровом подпоручик Дуфек все время звал Юрайду.

— Да, — сказал ни с того ни с сего еле державшийся на стуле Юрайда: от него на десять шагов разило ромом. — Когда сегодня не хватило на господина полковника и когда он увидел, что осталась только тушеная картошка, он впал в состояние гаки. Знаете, что такое «гаки»? Это состояние голодных духов. И вот тогда я ему сказал: «Обладаете ли вы достаточной силой, господин полковник, чтобы устоять перед роковым предначертанием судьбы, а именно: выдержать то, что на вашу долю не хватило телячьей почки? В карме predetermined, чтобы вы, господин полковник, сегодня на ужин получили божественный омлет с рубленой тушеной телячьей печенкой».

— Милый друг, — после небольшой паузы обратился он вполголоса к старшему писарю, сделав при этом произвольный жест рукой и опрокинув все стоявшие перед ним на столе стаканы, — существует небытие всех явлений, форм и вещей, — мрачно произнес после всего содеянного повар-окультист. — Форма есть небытие, а небытие есть форма. Небытие неотделимо от формы, форма неотделима от небытия. То, что является небытием, является и формой, то, что есть форма, есть небытие.

Повар-окультист погрузился в молчание, подпер рукой голову и стал созерцать мокрый, облитый вином стол» (Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка).

«Маркс, — пишет Булгаков, — определяет ценности как сгустки или кристаллы труда, труд же как затрату человеческой энергии, а последняя с грубым и наивным материализмом определяется им как трата нервов, мускулов, костей, физиологической энергии. Но — можно возразить против столь узкого понимания труда (внимание! — *О.М.*) — ведь и сама трудовая теория ценности есть тоже трудовой и в этом смысле хозяйственный продукт, ведь выработка и усвоение ее тоже предполагает затрату интеллектуального труда или, на языке Маркса, затраты нервной и мозговой энергии. И притом как трудовая теория ценности, так и теории, построенные для ее ниспровержения и отрицающие универсальное значение трудового начала, одинаково суть продукты труда, совершенно так же, как и материальные блага, и так же различаются по качеству, полезности и пригодности, как и они. Но при всей узости понимания нельзя отрицать за трудовой теорией ценности того общеполитического значения, что в ней с совершенно исключительной силой было выдвинуто значение трудового начала, столь недостаточно оцененное в философии».

И это выдается за возражение марксовской теории стоимости? Изрядно!

ВМЕСТО «ПОСЮСТОРОННОСТИ» — «ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТЬ»?

Ладно, не будем защищать политическую экономию (тем более что ей не впервые отражать такие атаки), лучше посмотрим — а что же нам предлагают взамен?

Взамен получайте... «трансцендентность» — нечто, так сказать, «несоциотворное». Собственно, в этом пункте — главное, принципиальное отличие между «мирской» политической экономией и «одухотворенной» философией хозяйства.

Политическая экономия твердо стоит на принципе «монистической социальности»: экономика есть процесс последовательной реализации исторически развивающегося созидательного потенциала общества, главным результатом которого является постепенное преодоление зависимости общественного производства от ограниченности природных ресурсов.

Но даже не это раздражает «философию хозяйства», а то, что политэкономы «твердолобы» уперлись — есть только диалектическое единство природы общества, а сверх этого нет ничего. Эта твердолобость и не дает возможности проташить «духосознание» в качестве хотя бы малюсенького «демиурга» общества и экономики. Но именно таково тайное желание экономистов от философии хозяйства, «приятных во всех отношениях», — немного пококотничав с материализмом, всласть заглушить невыносимый запах трудового пота духами идеальной трансценденции.

Политэкономы неколебимы: общественно-производственная практика трансценденции — *hic Rhodus, hic salta!* Эта материалистически заданная жесткость пределов общественного производства и мешает философо-хозяйственникам делать *salta*.

«Философия хозяйства» исповедует другой подход, веруя (и уверяя других) в существование того, что не обнаруживаемо последовательно-экономическим методом (для изящных высокоученых философо-хозяйственников этот метод, требующий доказательности существования изучаемого, т. е. его объективного бытия, конечно же, невыносим свой «грубостью», «наивностью», «вульгарностью»). А раз изучаемое необнаруживаемо, то, следовательно, недоказуемо, а значит, и непроверяемо. Вот и славненько, — можно говорить о «карме», о «душе», о «сакральности» — о чем угодно!

Стоит только допустить, хоть в малейшей мере, присутствия в экономике (и, соответственно, — в экономическом познании) некоей «трансцендентальности», как вы, действительно, оказываетесь далеко за пределами не только политической экономии, но и подлежащего познанию мира. Под «подлежащим познанию миром» мы имеем в виду то, что существует в реальности, хотя оно может быть еще и не познано. С этих позиций гносеологически возможны только два состояния: «существующее, но еще не познанное» — объект науки, «существующее и познаваемое» — предмет науки. Таким образом, при онтологическом единстве изучаемого возможны только его гносеологические различия.

«Философия хозяйства» предлагает же нам третий вариант — познавать то, что для нас не существует, поскольку трансцендентность — это как раз нечто, находящееся за пределами познаваемого состояния.

МЕЖДУ «ДЕЖАВЮ» И «ЖАМЭВЮ»

На политэконома очередное пришествие «философии хозяйства» производит впечатление «эффекта дежавю», — хотя история экономических учений сегодня не в чести у отечественных экономистов, но даже они слышал о «систематиках» Прудоне и Дюринге.

Известно, что парапсихологи объясняют эффект дежавю необъяснимым чудом по имени «реинкарнация». Пожалуй, это первый случай, когда политэконом готов солидаризироваться с парапсихологом.

А вот новоявленным философо-хозяйственникам присуще скорее «жамэвию»², поскольку сегодня они все чаще делают вид, будто не знакомы с политэкономией. А, может, и вправду не знакомы?

ТРИ ИПОСТАСИ «ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА»

В самом начале своего сочинения, ставшего для «философии хозяйства» основополагающим трудом³, С.Н. Булгаков предупреждает: «Проблема хозяйства берется в настоящем исследовании сразу в тройкой постановке: научно-эмпирической, трансцендентально-критической и метафизической». Другими словами, те состояния предмета, которые должны были быть еще только обнаружены, зафиксированы и, тем самым, доказаны, уже решительно постулированы автором «сразу в тройкой постановке».

Э, нет, так не пойдет, тем более что каждое из этих трех состояний неплохо было бы хотя бы «представить» читателю.

В любом случае для исследования «философских проблем хозяйства» представителям этого течения необходимо также пребывать в состоянии «троякоученности» — научным эмпириком, трансценденталом-критиком и метафизиком.

Однако научной политэкономии ни одна из «тройких» ипостасей «философско-хозяйственного» знания не известна. Поэтому, посочувствовав застрявшим в понимании этого пункта «философо-хозяйственникам», обратимся к другому, не менее странному, откровению автора.

О ГЛУХОТЕ И СЛЕПОТЕ «НАУЧНОГО ОПЫТА»

С.Н. Булгаков сообщает, что политическая экономия «из явлений хозяйственной действительности построит особую область научного «опыта». Однако она остается при этом глуха и слепа ко всему, что выходит за пределы этого опыта».

При этом странным образом не раскрывается самое важное для читателя, да и для самой «философии хозяйства», — что же такое это то, что выходит за пределы «научного опыта»? К чему «глуха и слепа» политическая экономия?

Рассуждая здраво и строго, можно предположить, что за пределами «научного опыта» возможны только два варианта — или «ненаучный опыт», или «научный, но не опыт». Это умолчание набрасывает завесу некой таинственности на все последующее изложение классика «философии хозяйства». Кажется, вот-вот, автор уже близок к тому, чтобы сообщить, что же есть еще, помимо «научного опыта», и силится промолвить нечто сакральное, да так и не успевает, отвлекаясь на бесчисленные аспекты сущего.

Что ж, у тех экономистов, которым тоже кажется, что политэкономия «глуха и слепа ко всему, что выходит за пределы этого опыта» (т. е. за пределы реальной экономики), есть только одна возможность восстановить слух и зрение — занявшись, как мы увидим далее, онтологией и натурфилософией общественного производства, что и образует предмет «философии хозяйства».

А еще «философия хозяйства» обогащает каждого экономиста такими, например, сентенциями — «есть некоторая космологическая карма сущего».

И что прикажите делать с этой «кармой»?

Поистине, в такой ситуации и вовсе станешь «слепоглухонемым»!

ОСВОБОЖДАЯСЬ ОТ «ГИПНОЗА НАУЧНОГО ЭМПИРИЗМА»

ГРазвивая упреки в адрес политической экономии, автор пишет: «В проблеме хозяйства она (политэкономия. — *О.М.*) выделяет лишь одну определенную сторону. Она права, конечно, в пределах своих специальных задач, но было бы величайшей близорукостью, приравняв целое части, ограничить теорию хозяйства одной лишь его феноменологией. За этими пределами исследование вопроса силою вещей попадает уже в общефилософскую область».

Наконец-то! Так вот что пребывает за пределами научного опыта — «общефилософская область». И, не утруждаясь ее дальнейшей детализацией, С.Н. Булгаков с огромным подъемом восклицает: «Нащупать границы феноменологии, обнаружив логический схематизм науки, есть задача критической философии, «критического идеализма», который играет при этом незаменимую роль, освобождая от гипноза научного эмпиризма».

² «Жамэвию» — противоположный «дежавю» эффект, который характеризуется тем, что человек не узнает знакомые вещи.

³ Здесь и далее ссылки на [1].

Конечно, — как же противна эта политэкономия, навязывающая «гипноз научного эмпиризма»! Гораздо приятнее заняться «антинаучным эмпиризмом», т. е. изучать то, чего нет, или заняться «научным антиэмпиризмом», в старину звавшимся... «схоластикой».

«С ЕЕ НЕСПОСОБНОСТЬЮ К РЕАЛИЗМУ...»

И далее С.Н. Булгаков с чувством пишет: «Тот, кто однажды пережил на себе его освобождающее действие (освобождение от гипноза научного эмпиризма — *О.М.*), навсегда останется за это признателен критическому идеализму...»

Признаваясь, однако, что «пред проблемой хозяйства по существу критический идеализм оказывается беспомощным: здесь с наибольшей ясностью обнаруживается чисто теоретический, схематизирующий характер критической философии, с ее неспособностью к реализму», автор объясняет: «Поэтому критический идеализм решительно отсылает к метафизике — к онтологии и натурфилософии, куда в окончательной инстанции и переносится проблема философии хозяйства».

Итак, если не о предмете, то хоть сообщается о месте пребывания «философии хозяйства» — это сферы онтологии и натурфилософии, где только и может реализоваться «схематизирующий характер критической философии».

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ ЭКОНОМИСТОВ

За этим вновь следует длинное восхваление политической экономии: «В жизне- и мироощущении современного человечества к числу наиболее выдающихся черт принадлежит то, что можно назвать экономизмом нашей эпохи. Так называемый экономический материализм дает только наиболее резкое выражение этой ее черты, и, сколь бы спорной ни казалась нам его доктрина, сколь бы шаткими ни представлялись его философские и научные, метафизические и эмпирические основы, благодаря такому своему значению он есть нечто большее, чем просто научная доктрина... В известном смысле экономический материализм даже и неуничтожим... Та особая и неотразимая жизненная правда, что приоткрылась и интимно почувствовалась с такой серьезной и горькой искренностью нашей современностью, делает экономический материализм в известном смысле неопровержимым».

Итак, — «выдающаяся черта», «нечто большее, чем простая научная доктрина», «неуничтожим», «неопровержим», — более того, сообщает Булгаков: «практически экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм».

ТАК ЧЕМ ЖЕ ПЛОХА ПОЛИТЭКОНОМИЯ?

Оказывается, вот чем — «ограниченность горизонтов экономической мысли... выражается не столько в преобладании философии экономизма, сколько в ее наивном догматизме. Дело обстоит так, как будто догматы экономизма есть единственно возможная и сама собою разумеющаяся философия хозяйства вообще».

Что ж, спор легко разрешить — предъявите другие догматы, и политэкономия будет повержена. Но вот уже сто лет минуло, а других догматов все нет. И — не будет!

Но это ничуть не мешает тому, что «барон Грюнвальдус все в той же позиции на камне пред замком сидит».

ПРОВЕДЕМ «ОЧНУЮ СТАВКУ»?

Пора бы уж экономистам основных школ собраться и предъявить друг другу добытое каждой школой интеллектуальное богатство.

Политэкономом есть что предъявить — системную методологию, предметный категориальный аппарат, гениальную теорию общественно-экономической формации. И — никакой надобности в эманациях, откровениях и апелляциях к непостижимому, ибо главное сокровище научной политической экономии — понимание социально-экономического развития как естественно-исторического процесса.

А что предъявят философо-хозяйственники?

ВЕЧНА ЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ?

Ответ на этот вопрос определяется одним, совершенно не зависящим от общества, объективным обстоятельством, — как долго будет сохраняться экономика неравномерного присвоения благ, порождаемая ограниченностью производительных ресурсов?

За свою историю политическая экономия видела немало «нео» — «неоклассику», «неокейнсианство», «неомонетаризм», что оправдывается переходом к некоей «неоэкономике». Что ж, может быть всякое. Но пока каждое новое экономическое направление, чтобы утвердиться в этом качестве, должно ясно объяснить, — что именно в экономике, какой процесс или какой экономический феномен невозможно трактовать в рамках политико-экономического подхода. Если такое удастся, то тогда, пожалуйста, утверждайтесь в своем «нео».

СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

Вот и прошло сто лет. В аннотации к современному журналу «Философия хозяйства» мы читаем: «Философия хозяйства — не только философия о хозяйстве, не одна лишь отрасль философии, даже не философская интерпретация экономики, это еще и особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира. Что есть хозяйство, почему оно, чего хочет, к чему ведет? И что есть человек в хозяйстве, как и для чего он действует, что переживает, чего творит?»

Вы что-нибудь поняли? Впрочем, и сказанного достаточно, чтобы вновь осознать принципиальное отличие между политико-экономическим и философо-хозяйственным мировоззрением.

Политэкономия объясняет «проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, исторические судьбы человека и мира» детерминирующими эти «проблемы и смыслы» объективными императивными характеристиками данной ступени общественного производства.

«Философия хозяйства» предпочитает же альтернативный путь объяснения, выводя, наоборот, характеристики общественного производства из проблем и смыслов, сопряженных с феноменом человека вообще, с началами и целями жизни, с устремлениями человека хозяйствующего и творящего, с историческими судьбами человека и мира. Не случайно Екатерина Evtuhov, переводчица трудов С.Н. Булгакова на английский язык, объясняет его уникальность в своем предисловии к «Философии хозяйства» тем, что «он совмещает в себе два мира. Его мысли об обществе прочно соответствуют западной традиции, но некоторые его идеи отражают специфически русский способ мышления об обществе. В то же время, доказывая пользу политической и социальной свободы, Булгаков отвергает индивидуалистические основы западного либерализма в пользу концепции человеческого достоинства, которое совместимо с ассоциацией. Его экономическая теория подчеркивает духовное содержание жизни в мире и строит национальную жизнь как своего рода гигантскую семью. Работа Булгакова, с его необычно постмодернистским балансом между западным и незападным, предлагает увлекательные последствия для тех, кто в процессе переоценки идеологии в постсоветской России, и в Америке»⁴.

И — о «феномене человека вообще»: для политической экономии нет такой проблемы, ибо только изучение «человека конкретного» (исторического) способно дать материал для построения модели «человека абстрактного», тогда как философия хозяйства намеревается работать с «человеком вообще».

Современные отечественные экономисты вольны выбирать — оставаться ли «вульгарными» политико-экономистами, броситься ли в объятия философо-хозяйственной трансцендентальности или наполнять свои сочинения флёротом (покровом таинственности) институционализма. И — не будем заблуждаться — ошибочный выбор в данном случае (даже если все экономисты решат принять институциональную или философо-хозяйственную веру) не является катастрофическим, ибо онтологическое бытие экономики меньше всего зависит от фасона примеряемой экономистами гносеологической амуниции.

Но вот что я знаю точно, так это то, «чего хочет хозяйство», — ОНО ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ЕГО ВСЕ ОСТАВИЛИ В ПОКОЕ, ОСОБЕННО «ФИЛОСОФО-ХОЗЯЙСТВЕННИКИ»!

⁴ См. URL: <http://www.amazon.com/Philosophy-Economy-Professor-Sergei-Bulgakov/dp/0300079907>.